

УДК 397.4 (571.121)

ББК 63.589

Этнодизайн как изучение и актуализация этнически самобытных технологий обладает важным для науки качеством — предельной практичностью. В случае с арктическими кочевниками этот ракурс предполагает использование новых методов записи движения — ПКД (путь–карта–действие), включая методы фиксации визуальных данных (аэросъемка, трек-навигация, трехмерное моделирование). Кочевые технологии оленеводов Ямала в их сложности и многомерности — от пространственно-временного дизайна кочевий на просторах тундры до полифункциональности вещей — обеспечивают мобильность в экстремальных условиях Арктики. Кочевая традиция содержит в себе целый набор концептов (или принципов), которые, с одной стороны, практичны, с другой — заслуживают теоретической проекции. К их числу относятся: слитное пространство-время, кочевой трансформер, мобильный модуль, эффект движения, техноанимация, вещный минимализм, северная эстетика. Экология тундры, которую впитала в себя ненецкая культура, настроена на мобильность, изменчивость и маневренность — так ведет себя сама арктическая природа. Она разными способами отторгает тяжеловесные статичные конструкции, которые привносит с собой современная индустрия, отзываясь на них омертвлением ландшафта, вспучиванием или протавиванием вечной мерзлоты, эрозией почвы и болезненными «свищами» (вроде зловещих воронок по соседству с промбазам газодобывающих предприятий). Природа Арктики настоятельно рекомендует современной цивилизации учиться у кочевников легкости движения и гибкости адаптации, стратегиям контроля над пространством, использованию мобильных модулей, приемов трансформера и других мобильных технологий.

Ключевые слова: *кочевники, Арктика, дизайн, этническая традиция, ненцы, оленеводство*

Высокая мобильность свойственна всем народам Арктики, особенно кочевникам-олeneводам, среди которых протяженностью миграций и устойчивостью кочевой традиции выделяются тундровые ненцы. Поэтому Карская Арктика, или тундра Ямала, удобна для изучения северного номадизма. Ненцы — классические кочевники, круглый год и всю жизнь движущиеся со своими оленями по тундре. Они сохранили кочевую самобытность, несмотря на советскую политику перевода на оседлость, и хотя среди современных ненцев немало «поселковых», осталась и значительная доля «тундровиков»: ныне около 40 % ямальских ненцев занимаются оленеводством и ведут кочевой образ жизни (численность ненцев на полуострове Ямал — свыше 10 тыс., в Ямало-Ненецком автономном округе — около 30 тыс., всего — 45 тыс.).

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, г.н.с. сектора этноистории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

Сегодня опыт кочевников все чаще рассматривается не как экзотическая архаика, а как универсальный феномен в становлении человечества и освоении планеты. В его изучении намечается три тематико-хронологических горизонта — (1) номадизм как естество культуры с древнейших времен; (2) место кочевников в истории; (3) кочевые алгоритмы в современных технологиях мобильности. Новая номадология нацелена на исследование не только конкретных кочевых обществ, но и потенциала движения человека в целом.¹

База данных по кочевым культурам существенно отличается от обычной этнографической эмпирики обилием визуальных материалов. Полевой метод антропологии движения, условно называемый ПКД (путь–карта–действие; TMA — tracking–mapping–acting), открывает новые возможности в изучении и представлении номадизма и его технологий. Запись кочевого движения ведется в трех измерениях: (а) фиксируется GPS-трек человека в течение дня; (б) составляется карта кочевий в течение года/сезона; (в) снимается видеопоток движений/

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01882) «Мобильность в Арктике: этнические традиции и технологические инновации»

¹ См.: Головнёв А. В. Кочевники Арктики: стратегии мобильности // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44, № 4. С. 132.

действий. Новшество состоит в применении современных инструментов в сфере, в которой прежде довлело текстовое описание.²

Экспериментом в северной номадологии стало использование методов дизайна, в частности этнодизайна, который представляет собой «глубокое осмысление культурного наследия коренного населения как базовой основы проектной деятельности».³ В сотрудничестве с дизайнерами Н. П. Гариним, Д. А. Кукановым и их командой (уральская Школа северного дизайна) мне довелось по-новому взглянуть на арктическую кочевую традицию. На фоне привычной этнографии (этнологии, антропологии) этнодизайнерский подход выделяется гиперпрактичностью, предусматривая детальное познание вещей, техник, конструкций, а погружение в частности позволяет иначе увидеть и общие контуры кочевой традиции.

Особенности кочевой культуры

В ненецкой культуре выделяются следующие характеристики высокой мобильности:

ментальность движения, т. е. восприятие кочевья как благополучия, а оседлости — как состояния бедности, болезни, кризиса; мотивация движения как залога превосходства и успешной самореализации;

стратегии и технологии движения (в том числе миграций и выпаса оленей), предусматривающие динамику и маневренность; использование пространства тундры, лесотундры и тайги как обширной ресурсной базы для жизнеобеспечения;

«оленье мышление» как сопереживание и взаимная поддержка человека и оленя, алгоритм их сосуществования и взаимодействия;

искусство мобильного контроля над обширным природным и социальным пространством, включающее лидерство и следование, координацию миграций, эффективную коммуникацию в родственно-соседской сети;

этика взаимопомощи на основе родства и партнерства, а также межличностной конкуренции, повышающей персональную ответственность в динамике кочевков и стоянок;

состязательность в скорости, маневренности и быстроте решений в повседневности, детских играх и празднествах с их популяр-

ными соревнованиями (гонки на упряжках и снегоходах, борьба, прыжки, конкурсы национальной одежды и др.);

установка на активность и неприятие пассивности, умение мобилизовать и мобилизоваться, персональная ответственность по всему спектру деятельности — от лова оленей и увязки нарт до выполнения культового жертвоприношения;

эстетика движущегося стада оленей, напряжения гонки, пейзажа открытого пространства, пластики шкуры и меха, форм оленьих рогов и силуэтов чумов.

Экология тундры, которую впитала в себя ненецкая культура, настроена на мобильность, изменчивость и маневренность — так ведет себя сама арктическая природа. Она разными способами отторгает тяжеловесные статичные конструкции, которые привносит с собой современная индустрия, отзываясь на них омертвлением ландшафта, вспучиванием или протаиванием вечной мерзлоты, эрозией почвы и болезненными «свищами» (вроде зловещих воронок по соседству с промбазами газовиков). Природа Арктики настоятельно рекомендует современной цивилизации учиться у кочевников легкости движения и гибкости адаптации, основывать стратегии своего присутствия на автономных мобильных модулях и других технологиях номадизма.

Полевые исследования показывают, что эти технологии мультимасштабны, и для их понимания необходим охват широкого спектра измерений — от обширного пространства тундры до микроструктуры оленьего волоса. Эти макро- и микротехнологии органично и динамично связаны в кочевой традиции. Она содержит в себе целый набор концептов (или принципов), которые, с одной стороны, предельно практичны, с другой — заслуживают теоретической проекции. К их числу относятся: слитное пространство-время, кочевой трансформер, мобильный модуль, эффект движения, техноанимация, вещный минимализм, северная эстетика.

Слитное пространство-время

В отличие от «оседлой» картины мира, где пространство и время разделены, в ментальности кочевника они неразрывны. Для кочевника время движется (кочует) по пространству (например, у апреля и июля есть свои пространственные отметки), пространство же не существует вне времени, вернее, меняется по ходу

² См.: Головнёв А. В. Кочевье, путешествие и нео-номадизм // Урал. ист. вестн. 2014. № 4 (45). С. 133–138.

³ Гарин Н. П. Этнодизайн: «Необходимое и достаточное» как формула идеальной вещи // Многонациональная Россия: Этнология и киноантропология. Екатеринбург, 2009. С. 59.

времени. У каждой вещи есть не только размеры и местоположение, но и свое время — изготовления, использования. У нее есть «ритмограмма активности», показывающая ее востребованность и участие в повседневной жизни, в том числе в кочевье. Контроль над пространством-временем (в том числе социальным) оказывается мотивом и искусством кочевника.

Слитность пространства-времени, характерная для культуры тундровых кочевников, заимствована у природы: ненецкая мобильность является проекцией природной динамики Арктики с ее стремительными сезонными приливами и отливами жизни. Тундровый биоценоз отличается от таежного резкими колебаниями и значительными пространственными перемещениями; в этом смысле время в тундре не протекает на одном месте, а будто мигрирует по пространству и преобразует его. В тайге существуют сложные и устойчивые ценозные цепи, в которые встраивается человек, и промысловая культура жителей тайги (например, хантов или селькупов) настроена на освоение ресурсов локальной природной ниши в ритме состояний рыб, зверей, птиц, растений. В тундре же с ее бурными сезонными изменениями возможно либо эпизодическое потребление мигрирующих биоресурсов, либо следование за ними. Ненецкое оленеводство представляет собой вариант адаптации культуры человека к натуре оленя, сложение симбиоза-в-движении.

В каком-то смысле слитное пространство-время отменяет статичное пространство и неизменную шкалу времени, замещая их динамично-изменчивым движением жизни. Это видно на примере жилища кочевников: ненецкий чум (*мя*) — жилище мобильное, но не временное (скорее, он существует вне времени и вне определенного места). Долговечность чума состоит в его обновляемости и мобильности. Среди ненецких жилищ есть ветхие или бедные, но они могут посвежеть, стоит хозяевам разжиться новыми оленьими шкурами для нюков и древесиной для шестов. Обычно чум обновляется постепенно и по частям, сохраняя «неопределенность возраста».

В отличие от других жилищ, чум не крепится к земле. Даже если кочевник в точности повторяет пути своих касланий и останавливается на местах прежних стоянок, он старается не ставить чум точно на то же место, где тот стоял раньше, чтобы всякий раз очажное пятно было новым. Если на *мядырма* (место еже-

годных остановок) хозяйку чума расспросить о старых становищах, она покажет пяток-другой поросших желто-красным мхом костровых пятен и определит каждое: «Этому два года, этому пять лет, этому десять». Когда стойбище снимается, чум уходит почти бесследно: летний очаг еще различим по костровому пятну, а зимняя печка-буржуйка следа не оставляет. В зимнее время чум стоит прямо на снегу, и жизнь идет буквально на сугробе: маты из березовых прутьев и половые доски, настланные на снег, превращают чум в приподнятую над землей меховую «капсулу» тепла и уюта (пока чум стоит, снег под ним не протаивает, хотя местами проваливается и чернеет). Получается, что чум, представляя собой сборно-разборное жилье, крепится не к месту, а к каравану.

Благодаря возможности быстрого свертывания и развертывания чум обладает свойством многоразового и экстерриториального использования. Для оседлого освоения той же территории пришлось бы извести весь лес в соседней тайге и застроить пастбища домами и коммуникациями. Чум легко транспортируется, складывается и раскладывается, обладает свойством трансформера, принципиально важным для кочевья.

Кочевой трансформер

Изменчивость в различных ритмах и измерениях, в состояниях динамики и статики — не только способность, но и заданность кочевого движения. В годичном цикле трансформация состоит в смене сети тундровых кочевий от лета к зиме (летом они рассредоточены по просторам тундры с захватом ее северных и приморских окраин, зимой — сосредоточены в южной тундре и лесотундре). В точке перехода от лета к зиме, называемой *по* (дверь; так же обозначается и весь год), происходит замена летнего снаряжения на зимнее — тем самым кочевье «переодевается» и переоснащается. В повседневности самым очевидным выражением трансформера является превращение кочевья в стойбище и наоборот. Если оленеводческое хозяйство совершает 120 перекочевок в год (как это делают, например, северные ярсалинские бригады, см. рис. 1), то усредненный ритм этой трансформации равен двум долям стойбища и одной доле кочевья (два дня остановки, один день перекочевки), а полный пространственно-временной оборот «стойбище–кочевье–стойбище» составляет три дня. У малооленных и краткомаршрутных хозяйств

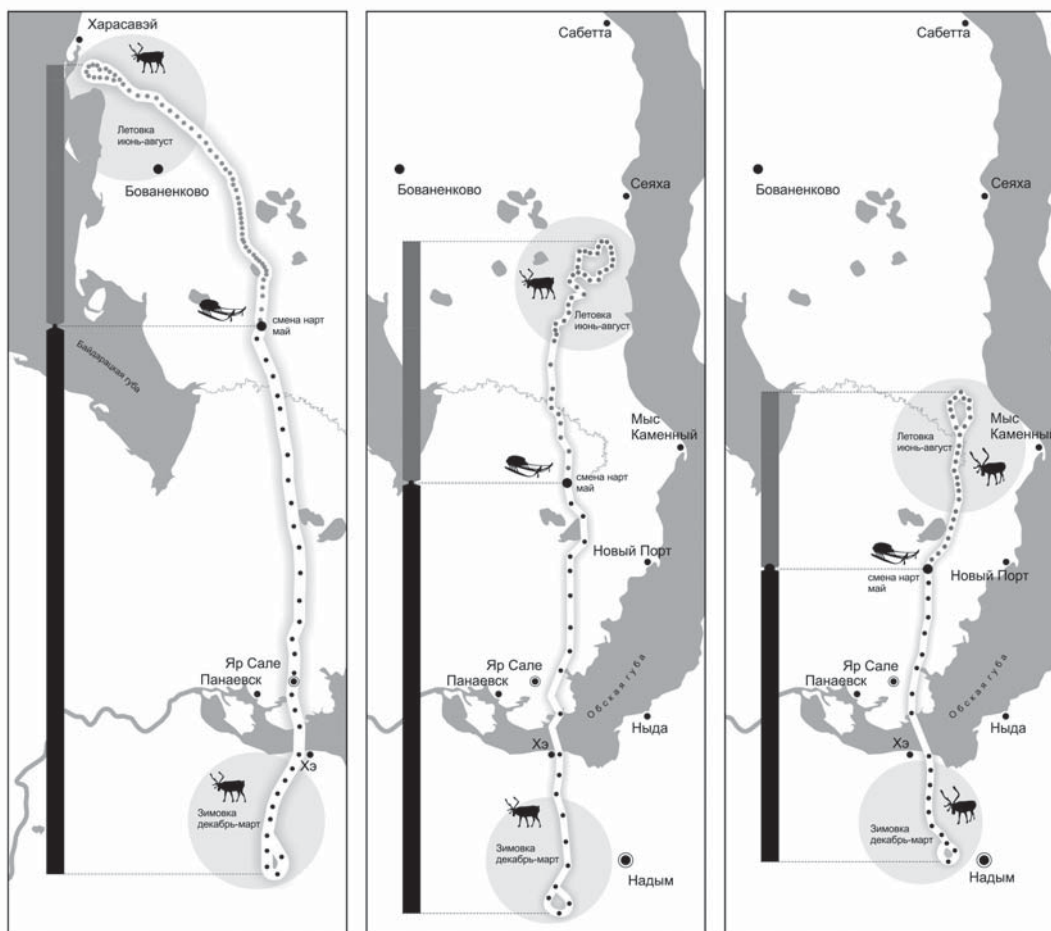

Рис. 1. Схемы годичных миграций оленеводческих бригад

этот оборот может составлять 5–7 дней. Кроме того, зимой ритм значительно замедлен (до 1–2 кочевок в месяц): на это время приходится своего рода «сон кочевья». Стадо оленей — тоже своего рода трансформер, поскольку, изменяясь по численности и составу в цикле прихода (приплод) и расхода (забой), «природа оленя» преобразуется в «культуру ненца».

Система ямальского оленеводства в целом представляется трансформером, меняющим конфигурацию в пространстве-времени. Устойчивость и одновременно динамизм тундровой хозяйственной системе в далеком прошлом придавали магистральные миграции богатых оленеводов — *тэта* (в советское время — совхозных бригад), охватывавшие пространство тундры от моря до леса. Помимо *тэта*, часто выступавших в роли родовых вождей (*ерв*), оленеводством были заняты средне- и малооленные хозяйства, совершавшие менее протяженные миграции. Кроме того, из числа тундровиков составлялись сезонные промысловые группы охотников на пушного зверя и на морского зверя, которые передавали своих оленей на выпас оленево-

дам, а сами сосредоточивались на промысле. Полуавтономно вели себя и рыболовы, сезонно оседавшие на богатых угодьях лесотундры и тундры, обменивая свой улов на услуги пастухов по выпасу их небольших стад. Многие оленеводы оставляли по ходу кочевий сезонные промысловые группы, подбирая их с добычей на обратном пути. Таким образом, тундровая оленеводческая система включала крупностадное ядро, связывавшее своими протяженными миграциями все пространство полуострова, и «периферию», состоявшую из сателлитных групп малооленных пастухов, охотников и рыболовов. Вне связи с оленеводческим ядром периферийные группы не могли существовать; в свою очередь тундровое оленеводство нуждалось во вспомогательных звеньях, дополнявших его на уровне обмена и потребления продукцией промыслов, а на отдельных этапах хозяйственного цикла — совместными усилиями и средствами; в кризисных ситуациях промысловые станы служили убежищем для разорившихся оленеводов.

В основе ненецкой кочевой традиции лежит принцип динамичной кооперации. Ненецкая

семья, даже объединяясь с другими семьями, самостоятельно кочует, ведет хозяйство, совершает ритуалы. Она чередует состояния *чарава* (свободная, отдельная жизнь) и *чомдабава* (жизнь в объединении). В случае необходимости семья может в любой момент, собрав своих оленей, откочевать прочь и присоединиться к другому стойбищу. Этика родственных и партнерских отношений исключает хаотичные миграции и обеспечивает устойчивость стойбищных объединений; вместе с тем серия сезонных объединений и разъединений составляет обычный цикл хозяйственного и социального взаимодействия.

Что первично — кочевье или стойбище? — основной вопрос номуаизма, который сами кочевники никогда не задают. Для них стойбище (*чэсы*) и кочующий караван (*мюд*) — не два противоположных состояния, а ритм жизни. Для кочевника они неразделимы в их естественном чередовании: как караван немислим без остановки, так и стойбище — без кочевья. Кочевой караван напоминает гигантскую змею, сворачивающуюся в клубок на стойбище и разворачивающуюся в кочевье.

Нарта (*хан*) — ключевой элемент кочевого трансформера. Различаются летние и зимние нарты, в том числе легковые и грузовые, из которых составляются летние и зимние аргиши. В караване средней семьи идет от 20 до 30 нарт, в караване большой семьи — от 30 до 40. В определенной точке весеннего маршрута зимний аргиш сменяется на летний, а осенью происходит обратная замена (таким образом, общее количество нарт на семью достигает 80–90). Механизм трансформера два раза в год полностью обновляет кочевье; кроме того, по пути караван подбирает (или оставляет) одиночные нарты (продуктовые, лодочные и др.). Эффект кочевья-трансформера достигается во многом тем, что нарты не только идут в караване, но и расставлены по всему пути миграции, и караван получается сборно-разборным, регулярно обновляется в процессе смены нарт вместе с их содержимым.

В кочевом трансформере значимо активное женское участие. Казалось бы (с «оседлой» точки зрения), для женщины первостепенны уют и постоянство, противопоставляемые миграции («переезд хуже пожара»). Между тем ненецкая женщина раз в три дня «ломает» свой чум и снова его ставит, и происходит это не эпизодически, а всю жизнь. Именно женщина собирает и разбирает чум, укладывает домашний скarb в нарты, а затем раскладывает его

на новом стойбище (при этом она поразительно точно помнит место каждой вещи в чуме и на нарте). Именно женщина держит в голове и выполняет сценарий вещного цикла трансформера «стойбище–кочевье» (см. рис. 2).

Мобильный модуль

В языке ненцев-кочевников, в отличие от языков оседлых народов (например, от русского или английского), в конце предложения всегда стоит глагол. Скажем, выражение «по дороге движется караван» звучит по-ненецки *сехэрэвна мюд миңа* (букв. «по дороге караван движется»). Так выглядит и жизненная динамика: у ненцев событие завершается не существительным-итоном, а глаголом-действием. Иначе говоря, движение–действие оказывается опорной категорией, если угодно состоянием по умолчанию. В жизненной онтологии ненцев нет окончания действия в виде финального покоя, поскольку покойники тоже кочуют по своей потусторонней тундре; нет и исходного состояния вне кочевки, поскольку младенец кочует уже в утробе матери, а иногда рождается прямо в пути; в этом случае ему дают имя Мюсена (букв. «кочующий»).

Слово *мю* (*мюсева*) означает «кочевка» («перекочевка»), а *мюд* — «караван грузовых нарт, олений обоз»; по-зырянски он называется *аргиш* (это слово часто используется на Севере). У М. Фасмера этимология слова *аргиш* (*аргыш*) соотносится с коми *argyš* (олений обоз), что не исключает его заимствования из тюркского (ср. уйгур. *aryuš* караван). Слово *мя* означает «мобильное жилище из поставленных конусом жердей, покрытых нюками из оленьих шкур». В русский язык такое жилище известно под названием «чум», происходящим из языка пермян (коми *t'som*, удм. *tšum*). В паре *мю/мя* (аргиш/чум) сочетаются доли динамики и статики, хотя свойства эти относительны: в перекочевке выражена прежде всего мобильность миграции, тогда как персональная телесная подвижность ограничена (люди сидят на нартах и правят упряжками); напротив, на стойбище физическая мобильность (и активность) женщин и детей резко возрастает.

Социальной единицей, располагающей всем необходимым для самостоятельного существования, является *мяд-тер* (семья, букв. «обитатели чума»), однако основным мобильным модулем служит *мюд* (аргиш), поскольку именно он обеспечивает автономию и дееспособность кочевого сообщества, включая в себя чум.

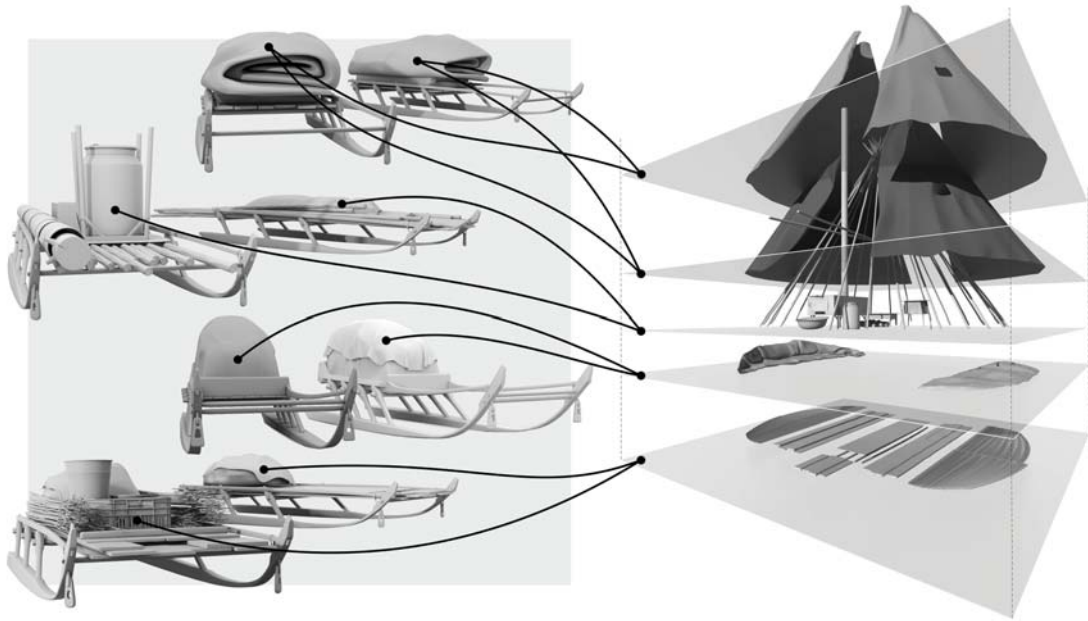

Рис. 2. Чум-«трансформер»

Качества модуля есть и у чума (*мя*), так как в нем (в фазе статики, на стойбище) тоже сочетаются свойства элементарной автономной целостности. В ряде случаев семейный аргиш (*мюд*) и семейный чум (*мя*) совпадают, в иных различаются. Некоторыми характеристиками мобильного модуля обладают индивидуальные аргиши, отдельные нарты (например, мужская с набором нужных инструментов и женская с оборудованием для перевозки детей). Принцип автономной мобильности свойствен многим кочевым конструкциям и комбинациям — от увязки нарт до оснащения женского швейного мешка.

Мюд — своего рода матрешка: индивидуальный аргиш, который есть у каждого взрослого человека, насчитывает 6–9 нарт; семейный аргиш, состоящий из аргишей взрослых членов семьи — 20–40 нарт (в зависимости от размеров семьи); стойбищный аргиш, в который входят аргиши всех семей, включает до 150–200 нарт. Трудно сказать, какой из этих аргишей служит основным (или нуклеарным) кочевым модулем, отвечая требованиям минимальной самодостаточности. Сам принцип автономной мобильности предполагает возможность ситуативного схождения и расхождения этих аргишей: каждая семья (*мяд-тер*) может отделиться от прежнего стойбища и уйти в собственное кочевье, поскольку для этого у нее есть все необходимое — от чума до запасов пищи и топлива. Единственное, что не позволяет сделать это в любой момент, — общее стадо: для вылова и отгона своих оленей из объединенного стада необходимо не только собственное желание, но

и добрая воля соседей, без которых это сложное действие неосуществимо.

Кочевой модуль немыслим без стада оленей, и реальный синтез движения людей и оленей происходит именно в кочевье, тогда как на стойбище их взаимоотношения имеют оттенки принуждения и противоборства (загон, лов, запряжка). Именно в кочевье достигается оптимум со-движения людей и оленей, технологически выражающийся в том, что люди вместе со своим имуществом буквально привязаны к оленям и мигрируют с ними «одним стадом». При перекочевке стадо не надо гнать: олени охотно пристраиваются к каравану и движутся вместе с ним. Кочевье оказывается самым органичным способом сосуществования и совместного движения людей и оленей.

Эффект движения

В антропологии эффект движения сопоставим с правилом динамического равновесия в физике и экологии, причем баланс кочевья как целостной композиции достигается именно в условиях сложной динамики. Кочевое общество устойчиво в движении. Стоит кочевнику остановиться, он «тяжелее мыслями и телом», теряет свои конкурентные преимущества. В древности это выражалось в том, что номады кочевали, конкурировали и воевали в тунусе повышенной мобильности (мобилизации). Кочевые технологии в полной мере проявляют свои достоинства именно в состоянии динамики. Они основаны на движении, которое придает действиям людей и функциям вещей особые

качества, не реализуемые в состоянии покоя и статики. Например, достоинства аргиша или конструкции нарты обнаруживаются только в условиях кочевья.

Благодаря эффекту движения метафора «ненецкое кочевье парит над тундрой» приобретает черты реальности. Искусство выпаса большого стада в низинной тундре, особенно в летнее время, состоит в мастерстве оленеводческой навигации, обеспечивающей нагул оленей и сбережение пастбищ. Для этого ямальские оленеводы практикуют «кружевной стиль» (или «лепестковый дизайн») движения стада: после перекочевки на новое стойбище оленей выпасают на следующих друг за другом по солнцу участках тундры вокруг стойбища в радиусе 5–7 км. Обычно таких «лепестков» вокруг стойбища оказывается 3–5, после чего следует перекочевка на новое место, за 7–10 км от прежнего.

Главное достоинство этого стиля движения состоит в экологичности. Стадо, даже крупное, в несколько тысяч голов, при таком «вращении» не травит пастбище, а сохраняет его — по ненецкой поговорке *я пуна хаёда* (земля после нас остается). Это достижимо только в постоянной динамике. Если же стадо остановится (например, надолго сгрудится вокруг чумов), оно «втопчется и вроеется» в землю. Тогда с тундрой произойдет то, что передается другой ненецкой поговоркой — *яда тахабэй* (земля перевернута). По словам мастера оленеводства Сергея Сэротэтто, «когда у чума пасется большое стадо, начинается копытка» (*nesrobacillesis*). Оленевод Токча Худи убежден в том, что «летом, чтобы олени не болели, нужно каслать через один-два дня: пастбище должно быть чистым».

«Кружевной стиль» создает тот самый эффект движения, который можно считать одним из основных технологических принципов арктического номадизма: в статике стадо губит тундру, извлекая из подтаявшей мерзлоты болезнетворных бактерий, а в динамике движется благополучно и экологично, будто на воздушной подушке. Не исключено, что отмечаемый ныне экологами рост песчаных обнажений и других экологических повреждений тундры — следствие не только и не столько большого числа оленей, сколько их недостаточно мобильного и искусного вожделения. Сам по себе эффект перевыпаса может быть дополнительно проанализирован с позиции мобильности, а не только с точки зрения формальной статистики поголовья стад.

В оленеводческом «кружеве» есть целый ряд дизайнерских находок. Во-первых, это надежный способ не сбиться с учета пройденных пастбищ, а в случае потери оленя (например, покалеченного или заболевшего) — вернуться к нужному месту. Во-вторых, это удобный способ сочетания природных оснований и дополнительной дрессуры стада, которое кружит «по умолчанию» (кружение вообще заложено в этологии оленя). В-третьих, эта «лепестковость» (или спиральность) — дизайнерски совершенная модель пространственно-временной слитности.

Техноанимация

При прорисовке нарт заметно, что некоторые их узлы (например, полозья, нащепы и копылья) похожи на ребра и суставы. Ассоциации с частями тела вызывают и названия частей нарт: передок (головка) полоза — *хан' пня* (нос нарты), задний конец — *хан' ябцо* (хвост нарты), копыль — *хан' нэ* (нога нарты). Облик ненецкой нарты оживляет косокопыльность — установка копыльев не вертикально, а наклонно, из-за чего она выглядит существом, не то упирающимся, не то напрягшимся перед прыжком. Общее название нарты — *хан* связано со значениями «увозить» (*ханась*) и «уезжать» (*хантанась*), а мужской легкой нарты — *нэдалёсь* — со значениями «пробег» оленей (*нэдалава*, *недалава*), «дорога» (*неда*, *недарма*).

Ненецкое восприятие нарты как живого существа дополняется обычаем при остановке, даже недолгой, поворачивать носы нарт на восход; на стойбище нарты также ставятся «носами на солнце» (юго-восток); поворот в противоположную сторону означает смерть владельца. Среди нарт есть священные — *хэхэ-хан*, — которые отличаются особыми свойствами: у них бывает по семь копыльев, в том числе — железные (признак сакральной силы). «Носы» священной нарты мажут кровью при жертвоприношениях; отслужившую свой срок или оставшуюся без хозяина *хэхэ-хан* отвозят на святилище.

Чум тоже обладает некоторыми чертами живого организма: его остов выполняет опорно-центрирующие функции скелета; он «толстеет» (по числу шестов и размерам нюков), когда семья разрастается и богатеет, и «худеет», когда семья уменьшается и бедствует. В образе чума преобладают женские черты и ассоциации (очаг, тепло, укрытие, утроба), тем более что именно женщина устанавливает и разбирает

его. Верхушка чума соответствует понятию головы (*нэва*), причем не только по своему расположению, но и по функции увязки всей конструкции чума: она представляет собой узел, который держит весь каркас. Верхние концы шестов образуют пучок сцепления, в котором сходятся и перераспределяются силовые импульсы. Особую нагрузку несут опорные шесты *макода* и священный шест *сымзы*, с которым связан второй важный узел чума — очажный. На *сымзы* держится надочажное устройство (горизонтальные шесты *ти*, крюк *па'*, котел *ед*), по нему в верхнее окно *макода си* идет дым «из дома в небо». Шест *сымзы* раньше отмечался семью вырезанными личинами, а в чуме шамана он венчался фигурой мифической птицы *Минлей*. Священный шест (вместе с очагом) не разделяет пространство чума на священное и обыденное, а объединяет его, играя роль своего рода хребта. В прошлом отношение к чуму как к живому существу выражалось ритуальным срубанием «головы чума» (в знак истребления врага) или стягиванием верхушки железным обручем (обозначение смерти обитателей чума).

В пошиве одежды есть своя технология анимации — присущая многим северным культурам традиция изготавливать костюм человека из соответствующих частей шкуры зверя: на обувь идет шкура лап, на капюшон — головы и т. д.⁴ С меховых пеленок ребенок растет вместе с оленем и одевается по-оленьи: сначала он кутается в шкуру пешки (или «выпоротка» — выкидыша), затем надевает шапку (или капюшон), сшитую из оленьих лбов и с оставленными для красоты (и соответствия) глазными прорезями, а также обувь с голенищами из оленьих лап (камуса) и подошвами из «щетки» (шкуры между копытами). Это буквальное копирование оленя, наблюдаемое в облачении человека (разумеется, с добавками других материалов), экологично, технологично и эстетично.

Кочевникам присуще стремление придать изготавливаемой вещи свойства живого организма, обладающего способностью к движению. Этот принцип технической анимации (оживления) можно считать ключевым в этнодизайне ненцев (как и других народов Северной Евразии, которым в древности был присущ «скелетный», или «рентгеновский», стиль в искусстве).

Вещный минимализм

Отсутствие лишних предметов в кочевье объяснимо не только дефицитом места в караване, экономией сил оленей и учетом грузоподъемности нарты: минимум вещей компенсируется максимумом умений их применять. Кочевник возит с собой вещи, которые обеспечивают контроль над пространством и движущимся по тундре стадом оленей. Все остальное он производит и получает по ходу и на ходу. Своеобразие связки «инструмент–ресурс» в кочевых технологиях заключается в эффективности действия за счет пространственного маневра. Например, манипуляция разного рода «веревками» — от аркана до подвязок — позволяет контролировать стадо, «сматывать и разматывать» кочевье. Набором «веревочек» кочевник, как сеть, охватывает и обуздывает пространство с его ресурсами. Динамика дает возможность осваивать максимум ресурсов минимумом инструментов, более того — регулировать потребление усилением и ослаблением этой «узды». Мобильность вещей предполагает их ситуативную и функциональную сменность: например, зимние нарты плохо идут по весенним проталинам, и если оленевод вовремя не сменит их на летние, то он рискует не дойти до летних пастбищ.

Чум предельно прост и минималистичен: конус из жердей укрыт нюками из оленьих шкур (летние нюки раньше делали из бересты). Между тем он «соткан» из всего пространства кочевий в точке пересечения трех измерений — ресурсов территории, стада оленей и сообщества людей, — каждое из которых по-своему обширно и мобильно. Без него кочевание невозможно, но и он невозможен без кочевания. Его меховое покрытие — два внутренних (*мюйко*) и два наружных (*ея*) нюка — сшито из 6–7 десятков шкур оленей, выпас которых предполагает ежегодные путешествия от края тайги до края арктических морей. Шесты для его остова (числом до 4–5 десятков) и нарты для его перевозки (в количестве 5–10) изготавливаются из стволов деревьев, которые можно отыскать только в полосе лесов. Топливо для очага собирается по всему пути каланиа.

При минимализме материальной культуры кочевников особое значение имеет трансформность вещей, их распределение в пространстве-времени и режим их использования. Один и тот же набор вещей при изменении их раскладки превращает чум в «спальню», «столовую» и «мастерскую». Для вещеоборота в кочевье

⁴ См.: Chaussonner V. Needles and animals: women's magic // Crossroads of continents: Cultures of Siberia and Alaska. Washington, DC, 1988. P. 213.

характерно постоянство местонахождения вещей при высокой частоте их укладки и раскладки: все они возвращаются точно на свои места, а при потере или поломке заменяются копиями. Другим принципом кочевого вещеоборота является четкое разделение наружных и внутренних (по отношению к чуму) вещей: наружные хранятся на нартах, внутренние — в чуме, и путаница, если случается, немедленно ликвидируется хозяйкой (комплектация вещевого реквизита чума в целом — ответственность женщины). Кочевники считают чум эталоном мобильного уюта: здесь все под рукой, всего достаточно и нет излишеств. Чум можно считать образцом (или дизайн-проектом) этики минимализма.

Многие вещи кочевников обладают свойством полифункциональности. Например, нож используется в ремесле и во время еды, на промысле и при разделке добычи, в качестве средства защиты и нападения, символа достоинства и статуса. Топор годен для работ по дереву, для заготовки дров и льда. Женская меховая ягушка может использоваться в качестве одежды и ночного одеяла. За счет полифункциональности вещей их количество ограничено, и ненцы при взгляде на подарки и при покупке непременно учитывают их мобильность и компактность.

Северная эстетика

У арктических кочевников «красиво» и «практично» — одно и то же. Кочевая эстетика (как и мифология) метафорична и образна, но в то же время практична и рациональна.

Остроконечность чума — один из эстетических канонов, выраженных в ненецком орнаменте, а также в описаниях одеяний и жилищ богов и героев. Вместе с тем конструкция ненецкого жилища предельно практична и, благодаря форме конуса и системе стяжек, устойчива в самых экстремальных условиях. Есть в чуме и особого свойства уют, доступный только человеку, живущему в открытом диалоге с природой. Чум остается частью тундры: в верхнее дымовое окно смотрят звезды и капает дождь, по хлопанию нюков ощутима сила пурги, треск копыт снаружи оповещает о приходе оленей. В свое время В. Иславину довелось ночевать в избе с самоедами и наблюдать, как они среди ночи, «один за другим выходя из избы, оставались на дворе и проводили ночь, кто скорчившись на саночках, а кто просто развалившись на снегу».⁵ Неприязнь кочевника

к «глухому и слепому» дому граничит с клаустрофобией, и он предпочитает ночлег в *хоркы-мя* («куропачьем чуме»; куропатка спит в снегу, пробив лунку в насте) сну в тесной избе.

Ненцы легко отличают изящную нарту от неуклюжей, причем в их оценках характеристики «красиво» и «практично» неизменно совпадают. В отношении грузовых нарт к «скелетному» строению добавляется эстетика увязки нарты: в упаковке, рассчитанной на долгое хранение и противостояние разным стихиям, сочетаются красота и надежность.

Человек красив в действии. Когда ненецкая девушка пытается понравиться мужчине, она принимается за шитье. По-своему красиво все, что связано с шитьем: поза и движения швеи, заготовки орнамента, готовая одежда, осанка хорошо одетых людей. У мастериц воспитывается особый вкус: они различают красивые и некрасивые швы, орнаментальные композиции, качество выделки и сочетания шкур.

Женская меховая ягушка — эталон красоты. При этом, будучи распашной (в отличие от мужской малицы), она комфортна в условиях перепада температур внутри и снаружи чума. У женщины несколько ягушек — рабочая, спальная, летняя, зимняя, караванная, праздничная. Ягушка легко распахивается для кормления младенца грудью. В ней удобно спать, а ночью заниматься любовью (не случайно женская одежда служит ночным одеялом и для мужчин). Ягушка украшена орнаментом и воплощает в себе образ и характер хозяйки; красота осанки ненецкой женщины выражена в красоте одежды.⁶

Однако не только мехом и орнаментом хороши одежда и обувь, но и тем, как они надеты и подвязаны. Красива осанка, если подпоясанная малица на мужчине или ягушка на женщине очертаниями напоминает селезенку оленя: изящество стана оценивается по манере носить одежду, которая должна лежать на спине и груди не складками и не пузырями, а плавными изгибами, напоминающими извилины на селезенке оленя-самца.

Олени замыкают круг эстетических ценностей. Подбор красивой одномастной упряжки — дело вкуса и статуса оленевода. Особенно красивыми считаются пестрые (*падвы*) и светлые (*сэлха*) олени, но более всех — белые (*сэр*) — символ богатства и высокого положения. Украшением стада является олень-*менаруй*, легко отличимый по

⁵ Иславин В. А. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847. С. 28.

⁶ Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры / Голловнёв А. В., Перевалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г. Екатеринбург, 2015. С. 98.

самым большим и ветвистым рогам. Любование оленьим стадом — общее увлечение пастухов, которое включает в себя наблюдение за состоянием оленей, обучение оленеводству детей, принятие решений по выпасу и окарауливанию стада.

Изыскания в малоизведанной области этнодизайна, под которым я понимаю изучение и актуализацию этнически самобытных технологий, открывают новые проекции динамики и статики, пространства и времени, взаимодействия человека и природы в практиках се-

верных кочевников. Выявленные технологические концепты (принципы) имеют отношение к той области знаний, которую П. Бурдые называл «теорией практики».⁷ В своей практичности-теоретичности они обладают свойствами подвижности, изменчивости и ситуативности, что приобщает их к категории относительности (особенно в параметрах слитного времени-пространства). Новая номадология, обращенная к практикам и технологиям, опирается на теории движения и действия, придавая соответствующий облик и арктическому этнодизайну.

Andrei V. Golovnev

Member of the RAS, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

ARCTIC ETHNODESIGN

Ethnodesign as a study on ethnically original technologies and their contemporary relevance bears a feature obviously important for science, i.e. total pragmatism. In a case of the Arctic nomads, this aspect implies a usage of new methods of movement recording — MTA (mapping–tracking–acting), including visual data such as UAV mapping, GPS-tracking and 3D modeling. The nomadic technologies of reindeer herders from Yamal Peninsula, in their multidimensional complexity, from the space-time design of mobile camps on the open tundra to multi-functionality of material things, enable and facilitate mobility in the extreme environment of the Arctic. The nomadic tradition contains the whole array of concepts (or principles), which, on the one hand, are ultimately practical, and on the other, they deserve a theoretical projection. These include: continuous space-timeness, nomadic transformer, mobile module, movement effect, techno-animation, material austerity, Northern aesthetics. The tundra environment, which Nenets culture is based upon, is tuned up to mobility, changeability and maneuver — this is the essence of Arctic nature itself. By various ways it rejects any heavy static constructions, which modern industry uses to introduce; it reacts by landscape mortification, puff-ups or melting of permafrost, soil erosion and unhealthy “fistulas” (like dismal craters in vicinity of gas-rigs). The Arctic nature strongly recommends for contemporary civilization to learn from nomads their light movement and flexible adaptation, strategies of spatial control, usage of mobile modules, twists of transformer, as well as other mobile technologies.

Keywords: *Nomads, Arctic, design, ethnic tradition, Nenets, reindeer herding*

REFERENCES

- Bourdieu P. *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2001, 562 p. (in Russ.).
- Chaussonner V. Needles and animals: Women’s magic. *Crossroads of continents: Cultures of Siberia and Alaska*. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1988, pp. 209–226. (in English).
- Garin N. P. [Ethnodesign: “Necessary and sufficient” as the formula of an ideal thing]. *Mnogonatsionalnaya Rossiya: Etnologiya i kinoantropologiya* [Multiethnic Russia: ethnology and cinemanthropology]. Ekaterinburg: UrGU, IIA UrO RAN Publ., 2009, pp. 57–60. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [Migration, travel, and neo-nomadism]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2014, no. 4 (45), pp. 133–138. (in Russ.).
- Golovnev A. V. [The Arctic Nomads: Strategies of Mobility]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], 2016, vol. 44, no. 4, pp. 131–140. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Perevalova E. V., Abramov I. V., Kukanov D. A., Rogova A. S., Usenyuk S. G. *Kochevniki Arktiki: tekstovo-vizualnye miniatyury* [Arctic Nomads: narrative-visual miniatures]. Ekaterinburg: “Alfa-print” Publ., 2015, 132 p. (in Russ.).

⁷ Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.